

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК

II ЧАСТЬ – ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОПАСТЬЮ

2. РИСК? НЕТ – ТЕХНИКА!

4. НАПЕРЕГОНКИ С СОБОЙ

Есть что-то завораживающее в больших колодцах. Вздрыбленный мир. Гулкое эхо. Мы с Кочетовым стоим на узеньком уступчике, пристегнутые к крючьям. Стена вверх, стена вниз, грохот молотка. Володя бьет очередной крюк.

– Помнишь, как у Джека Лондона? – говорю ему в паузе между сериями ударов. – Вот он – "вкус мяса"!

– Мне тут вообще нравится!

Вовка выдувает пыль из отверстия в скале, вставляет шлямбурный крюк. Несколько мощных ударов молотка, крюк расклинен в отверстии, можно навинчивать ушко, вставлять карабин, навешивать веревку. Пинаю угловатую глыбу на краю полки. Если что-то может упасть, то лучше, если упадет перед нами.

Гляжу на высокий раструб резиновой перчатки – тут на куске лейкопластыря написана вся вереница предстоящих нам колодцев. Спуск в зал Академии Наук Украинской ССР – изюминка КилЛСИ – самый большой отвес пропасти. Если верить топоматериалам: 90 метров вертикали. Гостиницу "Казахстан" в Алма-Ате без труда можно "вставить" в эту гигантскую каменную трубу! Черная бездна и мы – на скальной полочке в ее середине.

Навеска готова. Кочетов аккуратно пробует крюк, нагружает, поправляет под собой мешок, из которого паутинкой выползает веревка.

– Ну, я пошел?

– Давай.

* * *

...Мы уже устали. Пусть улыбаются ветераны, за чьими плечами опыт 20–30-часовых рабочих выходов. Здесь нечему радоваться. Всех возможностей человека не знает даже сам человек. Но чего ради терпеть перегрузки?

В альпинизме, где сильно развиты спортивное начало и культ физической подготовки, многие спортсмены поддерживают круглогодичный цикл тренировок, бегают по склонам гор, лазают по деревьям, прыгают по камням, занимаются скалолазанием и регулярно совершают другие полезные физические и технические упражнения. Я не смогу назвать и десятка кейверов, придерживающихся подобного образа жизни.

Кейвинг – это не спорт в полном смысле этого слова. Скорее – это определенный круг интересов, образ отношения к жизни, некая система жизненных ценностей, среди которых обязательным считается поддержание себя в форме, прежде всего, технической. А физически – обычная гиподинамия, повседневная жизнь с невозможностью отрывать от работы, семьи и других неотложных дел часы для систематических тренировок. Многие из нас могут похвастать двумя–тремя детьми, интересной работой. Но – гиподинамия! Повседневная беготня в газу промышленного города – сомнительное и малополезное удовольствие. Увы, нам чаще приходится бегать по магазинам, чем по кроссовым тропинкам.

Неверно представление о покорителях подземных глубин, как о играющих тугой ртутью мускулов суперменах, способных пробежать без одышки десятки километров и проделывающих это постоянно. Спору нет, есть и такие. Но большинству из нас и поработать-то физически на всю, что называется, катушку удастся только в экспедициях. Хвастать, конечно, нечем. Но надо это знать и учитывать.

Во времена лестнично-веревочной техники мускулы решали, если не все, то очень многое.

С приходом самохватной техники на пещерных маршрутах началось, по словам "аксакалов" – "засилие слабых". Подъем на зажимах требует определенной техничности: то есть отработанные экономных движений, хорошей координации, но никак не выдающихся физических возможностей.

С ростом подземных глубин на первый план выдвигается психологическая устойчивость – способность приспособиться к агрессивным природным условиям, противостоять сильным стрессовым нагрузкам. А также коммуникабельность и терпимость, особенно важные в обстановке ограниченного общения в малочисленных группах подземных экспедиций.

И вот, после "суеты городов", вырываемся мы на простор экспедиций и начинаем в корне ломать устоявшийся ритм повседневной жизни. Резко взвинчивая физические нагрузки, начинаем работать по 20 часов без передышки, столько же спать, таскать на плечах по 40–50 килограммов, питаться с жуткой аритмичностью, переохлаждаться. В общем, пребывая в эйфории любимого занятия, исподволь получаем всю гамму нежелательных и весьма неблагоприятных воздействий на организм.

И самое обидное, что добрая половина наших усилий тратится непроизводительно, впустую. Коэффициент полезного действия большего числа спелеоэкспедиций крайне мал. Хорошо, если основной целью ставится бесхитрое проведение времени в интенсивном пототжимающем режиме. Но если цель – достижение неизвестного...

Возвращаясь, сбросив добрый десяток килограммов веса, и думаешь – и этого не сделали, и туда не заглянули, и того не успели...

Да... Толстых в кейвинге практически нет. Исключения, вроде лидера пермских спелеологов первооткрывателя дна Киевской Сергея Евдокимова, странны и редки. Толстым в спелеологии грустно.

Да и поджарым нелегко. Сверхнагрузки аукаются потом. Послеэкспедиционную депрессию по возвращении из серьезной пропасти испытал каждый. Приезжаешь почерневший от солнца и пещеры, магнитическое действие гастрономов и кондитерских ощущаешь за три квартала, валит с ног вялость и неудержимый сон. И мысль – вот сейчас бы с недельку просто поваляться!

А доброжелательные сослуживцы: "Ну, как на Кавказе отдохнул?"

Во время корделетного штурма Напры родились эти строчки:

На угольях чернеет нагар,
Завтра нам уходить наверх.
Если скажут, что здесь юга,
Что субтропики – ты не верь.
Здесь туманов белые шали,
Здесь воронок черные пасти,
Здесь, в горах, заблудилось наше
Беспокойное спелеосчастье.
А вернемся, наверно, спросят:
Как там море, магнолий листья?
Ну, а мы – мы уходим в осень,
И октябрь нам дышит в лица... (*161)
* * *

...Мы уже устали, хотя работаем, в принципе, недолго. Всего за час и сорок минут скатились на –400: прошли первые 27 колодцев, на навеску которых позавчера потратили два с половиной часа.

Почему-то энтузиазм в кейвинге как-то иссякает с глубиной. Замечали?

Этим, кстати, тоже поверяется класс, уровень подготовленности команды. Способность делать на глубине то же и так же, как неподалеку от входа, получила

в последние годы не вполне точное наукообразное название – глубинная психологическая адаптация.

У многих групп, особенно спелеотуристской направленности, способность производить полезную работу, включая тривиальное передвижение и перетаскивание по пещере необходимых грузов, обратно пропорциональна глубине, на которую удалось спуститься. Видимо, это и является причиной загадочного и стремительного убывания числа забитых в устьях колодцев крючьев по мере продвижения ко дну любой пропасти. Киевская, понятно, не являлась исключением.

И вот, после увлекательного нисхождения по нами же оборудованным колодцам, уже 7 часов стучим молотками, устраняя зловередное трение в соответствии с правилами навешивания одинарной веревки.

Двое стучат, двое мерзнут. Вторая двойка, в задачу которой входила транспортировка штурмового снаряжения, вышла специально с задержкой по времени. Но догнала–таки нас и теперь мается бездействием. Кто ж думал, что мы будем так стремительно передвигаться по готовым навескам?

Забиваем только самые необходимые крючья и все равно движемся страшно медленно. Мерзнем. Настроение падает. Вопреки своим же планам, перекурить вовремя мы не удосужились. А теперь, вроде, жалко время терять: близок зал "АН СССР" – наша цель в этом выходе, наша рекордная глубина.

* * *

Через 10 часов после начала спуска лидирующая двойка Кочетов–Серафимов впервые в истории Казахстанского кейвинга переступила отметку –600 метров...

Фанфар не было. Феерическое эхо грохотало по колодцу. Это руководитель экспедиции выражал свой восторг по поводу состояния прибывшей со второй двойкой подземной базы...

База оказалась изрядно подмоченной – теперь ее предстояло установить и, мало того, провести в этой луже ночь перед подъемом на поверхность.

Что такое подземный лагерь образца середины 80-х?

В простоте – это палатка, спальный мешок на четверых и термоизолирующая подстилка. Все надлежащим образом упаковано и снабжено необходимым количеством полиэтиленовой пленки для защищающего от капли тента и "короба" снизу. "Короб" –полиэтиленовый лист с поднятыми краями (иначе в палатку может затечь вода) необходим: ставить лагерь зачастую приходится в такое, для чего и слова–то приличного не подберешь. Тем более, в Киевской, где очень мало подходящих для этой цели мест.

Лагерь – это святое. Это обещание отдыха в относительном подземном комфорте. И вот – подмочили! И где? В пещере, где и воды–то по настоящему нет!

Когда первый приступ "радости" утих, мы с Валерой, изрыгая сквозь зубы трудно переводимые сочетания звуков (которые, тем не менее, почему–то хорошо понятны всему многоязычному миру), выжимаем спальный мешок и принимаемся за надувание коврика.

Мы же не можем без экспериментов! Коврик у нас особенный – из воздушных шариков. Нам предстоит вставить их в специальные ячейки и надуть один за одним – все 64 штуки! Занятие, прямо сказать, не для слабонервных, а тут еще мокрый парашютный шелк оболочки мерзко липнет к лицу и рукам. Плакал наш комфорт!

* * *

Главное в пещере – оптимизм.

Что наша база! В 87 году на Арабике группа из шести человек тащила груз к сухому дну пропасти Перовская (система им. В.В.Илюхина). Там, на глубине –900, должен был находиться установленный предыдущей группой подземный базовый лагерь (ПБЛ). ПБЛ – это значит тепло, относительно сухо и достаточно сытно.

Нет простых километровок. Тем более не проста Перовская–Илюхинская.

Можно идти, терпя бесконечное перетаскивание мешков, воду каскадов, холодный ветер колодцев. Можно выложиться, если впереди ждет суровый, но приют.

Кажется, что уже нет сил, но ведь и надо-то еще совсем немного. Еще чуточку! Дотянуть до лагеря и – все. Зашумят примусы, забулькают котелки и – спать, спать! – во влажное тепло спального мешка.

Первый из группы вышагнул за поворот галереи. И не поверил глазам. В голове еще шумел водопад, под которым в ледяном вихре 25-метровой струи сейчас перетаскивают мешки товарищи. Первый протер глаза – лагеря не было.

Лагеря не было!

Что значит – на пределе сил оказаться без ночлега, без приюта, без шансов сразу же выйти на поверхность? С –900 на землю не выпрыгнешь! Кто пережил – знает.

Оказалось, что базу смыло паводком. Единственная на этой глубине пригодная для установки палатки площадка расположена у самого ручья. Стоит немного подняться воде и – спасайся, кто может!

Базу смыло до прихода группы. Аквалангисты потом выуживали ее остатки из предсифонного озера метров за 100 от площадки.

Единственное, что смогла сделать обессиленная группа, это собрать весь уцелевший от потопа полиэтилен и устроиться на мокрую холодную ночевку. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не подошедшая через некоторое время ленинградская команда со своим лагерем.

* * *

Плохо, когда все идет на пределе, без запаса на непредвиденные случайности, просто без резерва. Работа на износ и измор лишает удовольствия от пропасти, от самой подземной работы, притупляет осторожность. И тогда кейвинг превращается из развлечения, из наслаждения, из творчества – в тяжелую, опасную и нуднейшую из работ.

Так что подмоченная нами база – это далеко не венец возможных поводов для расстройств. Надо только это осознать.

Вода камень точит. Через три часа на месте слякотной лужи среди камней под прикрытием огромной глыбы выросла наша палатка под тентом. Внутри, в подсушенном на сухом спирте спальном мешке, на пухлых воздушных шариках, млела от удовольствия сытая и сонная команда "рекордсменов".

После отдыха и сна нам предстояло вернуться на землю, чтобы через пару-тройку дней попробовать на зуб километровую глубину.

Благословенна будь Киевская!

* * *

Вечер перед решающим штурмом запомнился. И дело было вовсе не в пещере. И не в ожидании ее. Это был вечер Великой Хохмы! А началось с того, что дежурство по кухне возглавил Кочетов.

В который раз все переговорено. Как идти вниз: ночевать или нет на спуске? Или сразу – на дно? По силам, чувствуется, идти на дно напрямик. Но сдерживает необычность ситуации. Высок психологический барьер: до нас никто в стране еще не ходил с поверхности да сразу на –1000 метров! Во всяком случае, мне об этом не известно. От земли – и до дна... Заманчиво!

Собираюсь отойти к палатке, чтобы не обонять волшебных запахов кухни, как вдруг слышу голос Саши Тарана (одного из парней-школьников, участвовавших в экспедиции), так вот – слышу голос Саши:

– ...Некогда мне. Я макароны продуваю!

Как охотничья собака, делаю стойку, обмирая от ощущения неслыханной удачи. Поворачиваюсь.

О, поэзия Хохмы! Не простой, а Великой Хохмы!

Ну, кто из бродяг-туристов не слышал бородатой шуточки-прибаутки о продувании макарон? А кому посчастливилось видеть процесс наяву?

То-то!

Саша продувал макароны тщательно. Брал не продутые макаронины из пачки, набирал в рот воды из кружечки и продувал каждую макаронину водой. "Чистые" аккуратно складывал в кружку "сиротку".

– Владимир Константинович! У меня вода кончилась.

С водой у нас, как и всегда на карстовом плато, напряженка. Воду топим из снега в разложенной на солнце специальной полиэтиленовой трубе-бане. Снег берем в воронке, соседней входу в пропасть.

– Ну, что ж делать, – не сморгнув бесовским глазом, оборачивается Кочетов.

– Придется воздухом продувать. А ты, Игорь, чего стоишь? Давай, помогай!

Школьник Игорь Анисимов чувствовал подвох. Наверняка знал и о хохме с макаронами. И... не смог устоять! Поддался бронебойной уверенности, напористости начпокухне. Робко потянулся к макаронине.

– Давай, давай! Налетай! Быстрее жор будет!

Медленно, чтобы не спугнуть восхитительного зрелища, едва сдерживая приступы истерического всхлипывания, приближаюсь к этому цирку. Мигаю Королихину. Валера – с круглыми от внутреннего хохота глазами, философски замечает:

– А у нас в армии с двух концов продували...

Это все, это последний аргумент! Королихин недавно демобилизовался из Афганистана. Его авторитет непререкаем.

И вот, плотная кучка школьников окружает пачку макарон, и только слаженное фуканье оглашает бескрайний Кырк-Тау...

Что может быть прекраснее зрелища Новичка, продувающего свою Первую Макаронину у своей Первой Пещеры?

Если бы не завтрашний километровый штурм, Кочетова, обессилевшего от смеха, прозревшие школьники убили бы пятью минутами позже описываемого здесь восторга.

Увы, ничто прекрасное не вечно!

* * *

Между собой договорились – идти, как пойдется.

И вот – Пропась.

В Азии главное – успеть одеться до солнца. Огненный Дракон превращает процедуру натягивания спелеодоспехов в исключительное удовольствие. Знаете, как готовят курицу в фольге? Ну, тогда у вас есть кое-какое представление о процессе, так сказать, снаружи. Кейвер имеет возможность познакомиться с ним изнутри.

Нет уж, хватит с нас острых ощущений! Встаем в шесть утра, завтракаем, в сереющих сумерках рассвета одеваем шерсть, конденсатники, брызговики, защитные комбинезоны, затягиваем ремни, каски, свет, обвешиваемся железом и штурм начинаем до солнышка.

Покатили!

* * *

Есть чарующее упоение в строгой динамике движения по вертикали. Каждое действие отточено, каждый шаг оптимален. Движешься, будто не спеша, соразмеряя себя с предстоящими препятствиями.

Сухие щелчки карабинов, шелест веревки, шум воды.

– Свободно!

– Понял!

Луч фонаря режет ночь пещеры. Колодец. Навеска. Самостраховка. Теперь пройти по перилам вправо до крюка. Веревка в решетку – и поплыл вверх колодец, навстречу вылетающим из темноты сверкающим каплям. Слева журчит, точит стену ручей.

Неверный шаг... Недоглядел!

У-у-ух! Сорвало маятником со стены, закачнуло под душ. Стегануло капелью по каске, по спине, и снова шорох веревки в рукавице. Дно колодца. Дошел.

– Свободно!

– Понял!

Меандр, как колея. Свернуть некуда. Только вперед и вниз. Корявые стены цепляются за комбинезон, за провод фонаря, за снаряжение. Не спеши, не торопись, не дергайся. Плавно – плечами, всем телом. Не рви мешок – он не виноват. Всему виной ты. Аккуратно, присядь, слева под рукой сталагмит, нет, выступ. Нагрузил, держит. Прошел под навесом. Дальше уступчик. Не прыгать! В основе скорости пластика, а не козлиный скак.

А это что? Колодец! А вот и навеска.

Идут сзади? Идут. И я пошел.

Колодец распускается перед глазами черно-белой вертикалью. Так – ПЗ, промежуточное закрепление. Все, как учили: встегнул ус, завис на нем, переставил ниже крюка решетку, зафиксировал, переставил пуани, отстегнул ус... Песня!

Откуда-то всплывает в памяти:

"А если вы, штатские, такие умные, отчего ж тогда строим не ходите?"

– Свободно.

– Понял!

* * *

"Гулом по колодцу,
Гулом по колодцу,
Камень просвистел, как по судьбе,
И на лбу оставил
Светлую полоску
Четкую, как память о тебе..."

Эта уже песенка-переделка белоусовских ребят-бессергеновцев, чью славную когорту представляет сейчас Королихин. Чего только не лезет в голову...

Еще колодец. Ух-ты, какое эхо! "Шестидесятка", что ли? Сейчас посмотрим. Точно. Это она. Таких монстров в Киевской не так много.

Пошел. Узкий довольно пологий желоб с ручьем у ног заваливается все круче в отвес. Первая перестежка, ликвидирующая трение на перегибе колодца.

– Свободно!

Как красиво светится внизу подземный лагерь ташкентской команды. По телефону они пообещали, что будут встречать нас чаем к 10 утра. Что-то никого нет. Лагерь диковинной декорацией проплывает мимо-вверх – слышно, как лупит капель в тент над оранжевой палаткой, установленной на уступе метрах в 10 над дном колодца. И оттуда, сверху, заспанный голос Акиды:

– Это что, уже вы?

– Пора. Времени-то сколько?

– Так девяти еще нет.

– "Скока-скока?" – как у Жванецкого.

Отстегиваюсь от веревки, отхожу к стене, отыскиваю под резиновой перчаткой свою "Амфибию". На часах 8-50! Начали в восемь, пятьдесят минут на спуске, а над нами уже 350 метров? Глазам не верю.

Сверху с шорохом планирует Бердюгин. Отстегивается. Толкаю его в мокрое плечо:

– Сколько идем, знаешь?

– ?

– Полста минут!

– Иди ты?

– Точно!

– Ну, тогда вперед!

Какой тут чай, тем более не вскипевший. Ввинчиваемся в серпантин "Дивного хода". Отсюда до установленного нами накануне "ПБЛ-650" – 13 навесок с перепадом высот в 300 метров.

Этот участок мы проходим за час. Итого идем час и пятьдесят минут! Нет и двух часов от начала штурма, а мы уже на -650.

Ущипните меня кто-нибудь!

* * *

Итак, через час-пятьдесят мы в базе в зале Академии Наук СССР под 90-метровым колодцем. Чего тут размышлять? Все однозначно – надо идти на Дно. Сразу же и без колебаний.

Позволяем себе короткий перекур у своей палатки и снова устремляемся вниз.

Через 30 минут мы в зале "Дружба" на глубине около -700.

Сюда в прошлый выход заглянули Коля с Володей, пока мы с Королихиным маялись с установкой ПБЛ. Дальше для нас – неизвестность. Вот они, скучные цифры на раструбе перчатки. Кем-то когда-то пройденные и измеренные отвесы. Когда-то и кем-то, но не нами. Для нас впереди мрак.

Теперь постоянно лидирую. Старых крючьев на колодцах все меньше. Своих мы не бьем. Наша задача – проверить, как может идти группа, если крючья для навески уже забиты и остается только навешивать веревки. До этого момента в первых двух выходах мы били крючья сами, поправляли навеску, улучшали ее, устраняли трение – неочевидное сразу нашему неопытному глазу, оно проступало на спусках и подъемах и требовало оперативных действий.

Мы учились. И успешно – ни одна веревка пока не была повреждена. Но это не все. Эксперимент продолжался.

* * *

Даже не верится, что это атака на Дно. Вербки вешаю без хитростей, без обвесок и промежуточных крючьев – прямо по стене, с трением на перегибах. Так мы ходили всю жизнь. Правда, рядом была иллюзорная нить второй самостраховочной веревки или троса. Но шли-то мы все-таки по одной! И эти изношенные многочисленными экспедициями, не стиранные годами, поросшие мхом веревки не рвались! Почти никогда...

И кое-кто ведь поверил, что никогда и не порвутся. (Мишаня, Мишаня!...)

Наши веревки новые, усиленные – 10,5 миллиметров диаметром. Проверенные метр за метром. Четыре человека по ним спустятся, четыре поднимутся. Что с ними станет?

Таков расчет.

Боишься – не делай, делаешь – не бойся.

Главное теперь – долго не раздумывать, не терять темп. Напряжение растет. Вяжу узлы, дублирую по всем правилам SRT опоры, оцениваю состояние точек навески: выступов, глыб, проушин в скале – выдержат, не выдержат? Ошибки быть не должно. Сам навесил, сам пошел вниз. Делаю навеску в буквальном смысле, "как для себя".

Спускаюсь, и веревка послушно выползает из подвешенного к беседке транспортного мешка.

На часы не смотрю. Что толку? От этого быстрее не пойдешь. Но чувствую, что темп достаточно высок. Об этом можно судить по тому, как быстро пустеют транспортные ранцы с веревкой. От -650 у нас их три. В каждом по 130 метров. Пока получается примерно один ранец на час работы.

Неплохо идем!

Дважды выясняются неточности в доставшейся нам от предшественников схеме отвесов.

Дважды веревка кончается в середине колодцев, и приходится ее наращивать навесу.

* * *

Когда час за часом работаешь в гулкой тишине пещеры, в голову постоянно стучатся какие-то мысли, мелодии, обрывки воспоминаний, часто ничего общего с

пропастью не имеющие. Но сейчас пришло по делу – вспомнились Резванские "Легенды о Саакяне", посвященные Киевской строчки:

"...Так как мы пользовались крымской схемой навески, которую нам передал Г.С.Пантюхин, у нас постоянно то появлялись новые (не указанные на схеме), то исчезали обозначенные на карте колодцы. Поэтому к 100-метровому колодцу Антон подошел в полной уверенности, что это 40-метровый, якобы находящийся перед "соткой", колодец. И начал в него спуск по соответствующей 40-метровой веревке. О своих последующих ощущениях он рассказывал примерно следующее:

"Еду вниз, в правой руке веревка, в левой самохват для самостраховки. Еду, еду, слишком долго еду... Думаю, что такое? Вдруг вижу, в руке у меня самохват есть, а веревки в самохвате – нет! (Тоже узлы на концах веревок не вязали! – прим. мои К.Б.С.) Встал на какой-то уступчик, смотрю – из рогатки торчит кусочек веревки с полметра. Чуть присел, она – фь-ю-ю-ть! – вверх, а внизу – ва-ах! – опять колодец!"

Так Антон Саакян прибыл на тот уступчик большого колодца Киевской, на котором недавно мы с Кочетовым били наш последний крюк перед спуском к лагерю "– 650".

С большим колодцем КилСИ вообще происходили интересные метаморфозы. Сначала, по измерениям первопроходцев, он был "соткой". К нашему прибытию колодец уже "превратился" в 90-метровый: верхний уступ 40 и нижний 50. Но все мы отмечали удивительную легкость, с которой этот колодец проходится на подъеме. Все чувствовали, что он идется "почти как" "шестидесятка" на –350 над нынешним лагерем ташкентцев. После выемки мы измерили навешенную на нем веревку, и К-90 неожиданно "похудел" до 74 метров: 34 до полки и 40 до дна. Это убедительно объясняло относительную "легкость" его прохождения.

Правда, через год ташкентцы перемерили колодец снова и получили 84 метра. Может быть, мы и ошиблись, может быть.

Удивительный такой колодец...

* * *

...А пещера стремительно идет вниз. Колодец сменяется колодцем. Меандры остались позади. На дне очередного отвеса натываемся на баллон от акваланга. Дно уже где-то рядом!

Над одной из вертикалей нахожу карабин. Он запутался в бухте брошенного кем-то троса, который теперь постоянно попадает на дне колодцев. Это обилие брошенного снаряжения послужило темой для появившихся впоследствии куплетов:

Снимут спелеологи рваное шмотье:

Ну друг другу жалиться на свое житье!

Карабинов нету, троса нигде взять,

Все такие бедные, что сказать нельзя.

Ну а в той же Киевской, ниже пятисот,

Тросом все завалено: тросик – первый сорт!

Провода – не мерено, всякого добра...

Что-то нет желающих слазить и забрать! (*162)

Вот он – последний отвес. Шестидесят первая навеска, если считать от входа. Я узнаю его по описанию первопроходцев:

*"...Колодец прервался выступом и раздвоился на две "штанины". Шевчук бросил веревку в левую (в левой просто воды меньше лилось на голову) и начал спуск. Внезапно он заметил, что стенки раздвинулись и ушли в темноту, потолка не видно было давно, и дна свет лобного фонаря не достигал" (*163)*

Колодец не раздваивался. На два желоба его разделяло вертикальное ребро. В левый желоб воды действительно шло меньше. Хватит ли нашей последней веревки? Судя по описанию, этот последний колодец – ни много, ни мало – 25 метров. Восьмизатка.

Спускаюсь. Стены расходятся. Вода с шумом бьет в чернь воды под стеной. Откачиваюсь на выступающие из озера глыбы у левого берега. Дно!

Один за одним вниз съезжают ребята. Поднимаемся по глыбам от воды. Черное озеро уходит в дальний конец зала под сводчатый потолок. На камнях баллоны, свинцовые груза подводников, крышка кислородного аппарата. Последними в озеро ныряли красноярцы. И Володя Коносов говорил мне, что, вот тут, под самой стеной, пройдя ход между глыбами завала, увидел над собой зеркало воды. Увидел, но вынырнуть в него не смог – запутался страховочный шнур, и Коносову пришлось вернуться. Последующие попытки ничего не дали. Вода стала мутной, и проход между глыбами найти не удалось.

* * *

Мы на Дне! Над головой добрая тысяча метров скалы. Это трудно представить.

Мы спускались пять с половиной часов. Слышите? Всего пять с половиной часов! И это трудно представить тоже.

Многое не укладывается в голове. Это не просто рекорд глубины казахстанского кейвинга, хотя 1000 метров – это уже само по себе немало. Это первая тысяча, пройденная нами, пусть с некоторыми допущениями, но в основном от начала и до дна пройденная в соответствии с новой для нас техникой SRT – техникой одинарной веревки.

Дебют состоялся. Да здравствует SRT!

Мы – первая группа в СССР, которая может сказать, что спустилась на -1000 быстрее, чем за 6 часов работы. И это тоже немало.

Бродим по завалу, собираем на память галечку донного озера. Устанавливаем на стене самодельный жестяной вымпел. Надо перекусить. Молча хрустим при свете свечи шоколадом. Он замерз и колется, как стекло.

Четыре папы Карло
Сидели на завале,
И в чернь уставясь озера,
Жевали шоколад.
На дне сидели парни,
О дно стучали капли,
И каждый был как будто
Победе и не рад. (*164)

Еще через 6 часов мы вместе со всем навесочным снаряжением и парой тяжелых владивостокских мешков с тросом (ребята попросили достать) были в ПБЛ "-650". Можно было бы сегодня же выйти наверх. Самочувствие позволяло. Но зачем ломать график? Зачем работать через силу?

А мне так не хотелось расставаться с пропастью, ставшей вдруг такой близкой. Вернемся ли мы сюда когда-нибудь?

Тогда, в июле 1986-го, мы еще не знали, что вернемся, но уже без весельчака Кочетова. Вернемся, но пропасть готовит нам тяжкие испытания, по сравнению с которыми наш сегодняшний успех – всего лишь загородная прогулка. И будет это через год.

А пока экспедиция заканчивалась.

Первая в СССР SRT-экспедиция.

* * *

С пулеметным треском бьется на ветру флаг над палаткой. Жаркий ветер Кырк-Тау истрепал, изорвал его край. Желтый флаг – свет, красный круг – солнце, черные треугольник углом вниз – путь.

Флаг нашего клуба "Сумган".
Как жаль – кончается игра!
Наш путь лежит к другим горам.
Что ж, до свиданья, нам пора.
Ты помни нас, Камангаран!

***161 К.Б.Серафимов** "Белые шали туманов", Напра, 1984г.

***162 К.Б.Серафимов** "Песенка о тесноте и бедноте", июль 1986 года Экспедиция КилСИ-SRT-86.

***163 Ю.Рост** "Пропасть" "Комсомольская правда", октябрь 1976г.

***164 К.Б.Серафимов** "Четыре папы Карло", 16 июля 1986 года плато Кырк-тау, первая советская SRT-экспедиция.

Константин Борисович Серафимов
"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"
www.sumgan.com